
Елизавета Мьюн
Дело №1:
Кризис Сантморов

Елизавета Мьюн

Дело 1. Кризис Сантморов

«Автор»
2026

Мьюн Е.

Дело 1. Кризис Сантморов / Е. Мьюн — «Автор», 2026

Наследник великих охотников на потусторонних тварей Льюис Сантмор заваливает выпускной экзамен Гильдии охотников и сбегает от гнева своей семьи в странный провинциальный городок Рэйвенвиль, где усилиями шерифов его дядюшки-изгоя мирно уживаются люди и чудовища. Льюис намеревается разрушить Гильдию шерифов, чтобы доказать верность охотникам и вернуться домой, однако в его амбициозные планы вмешивается загадочное прошлое семейства Сантмор, а вместе с ним - вампиры, пропавшие корги феи миссис Слипс и кое-кто ещё... Пытаясь разобраться в происходящей чертовщине и в себе самом, Льюис пишет и получает письма, в которых кроются ответы.

© Мьюн Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Письмо 1 5
Рэйвенвиль и его обитатели 8
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Елизавета Мьюн
Дело 1. Кризис Сантморов

Письмо 1

Письмо Ромéлю Сантмору
От Льюиса Сантмора
Адрес получателя: Центральная Роща, Проклятая улица 22, дом 6/6
Дата отправки: 2 сентября 2025 год
Примечания: доставить из клюва в руки получателю
Цена доставки: остатки морковного пирога миссис Сантмор

Дорогой братец Ромель,

Как бы не прискорбно было об этом писать, омрачая беззаботность твоего существования, ты остаешься дома за старшего сына. К сожалению, лично я этого сообщить тебе не смог. Как ты заметил этим утром по летящим в мою сторону острым предметам, времени на долгие прощания, извинения или что-то еще не было, от слова совсем.

Приношу извинения за то, что мой поспешный отъезд вынудил тебя проснуться в 6:30. Я точно знаю время, так как именно в тот момент отец прострелил арбалетом ненавистные часы с кукушкой, что висели чуть выше моей головы. Дурацкий пережиток прошлого, который с детства заставлял меня отсчитывать время до этого момента, рухнул прямиком ко мне в руки, замерев навсегда. Мое время в нашей семье остановилось ровно в 6:30. Зато тебе больше не придется отсчитывать свое время, Ромель! Но как ты заметил, мама осталась этим недовольна, потому серебряные пули из ее любимого револьвера пролетели над твоим ухом и застряли в двери, когда я сбегал по лестнице к выходу. Словом, прощаться, действительно было некогда, но я благодарен, что ты помог мне загрузить вещи в машину. К сожалению, вся любимая мной брендовая одежда испорчена из-за того, что дед вонзил в чемоданы осиновые колья, но это все еще лучше, чем полное отсутствие вещей на новом месте. Возможно, в Рэйвенвиле нынче мода на рванье — и я сойду за главного модника благодаря дедуле. Если так, будем величать его «модельером». Ну же, посмейся, я видел твое кислое выражение лица утром и не хочу, чтоб оно оставалось таким слишком долго.

Чем дальше я отъезжаю от дома, тем больше вспоминаю о нашей семье. Наверное, это называется тоской по родным краям: когда оглядываешься назад, вздыхаешь и не можешь выкинуть знакомых лиц из головы! Пишу это письмо и вспоминаю бабушку. Видишь ли, кто-то разбавил бензин моей машины святой водой в надежде, что позор семьи великих охотников врежется в дерево по дороге и сгинет. Что ж, непременно передавай бабуле привет и сообщи о моем добром здравии. Ее молитвами, моя машина заглохла прямо посреди тыквенного поля.

Погода близ Рэйвенвиля нынче теплая и ветреная. Я сижу на бампере, вдыхаю запах изгнания и скучаю по близости заправок в родной столице. Уже через пару десятков километров от нее ощущается полное захолустье — негде даже взять самокат напрокат, а идти до ближайшего города еще добрых тридцать миль. Я отходчивый — написал письмо дяде Джеку. Он заберет меня с поля до наступления сумерек. Пишет, что иначе нас сожрут феи-зомби. Здесь их опылительная территория, и они ненавидят, когда кто-то мешает овощам отдыхать ночью.

Ты помнишь дядю Джека? Конечно, нет, потому что был еще совсем мелким, когда он отказался от семейных обязательств охотников Центральной Рощи и под канонаду выстре-

лов и проклятий сбежал в Рэйвенвиль. Я, как и вся наша семейка, долгое время считал его сумасшедшим. До сих пор считаю, хотя обязан ему спасением моей шкуры! Меня сложно винить в предвзятом мнении на его счет, потому что только псих в период торжества охоты на заклятых врагов человечества, вроде гоблинов, оборотней и прочих тварей, сумел бы организовать Гильдию шерифов, решающих конфликты не через силу, а по средствам исследования и переговоров. Ну что за глупость? Однако я ни за что не скажу дяде Джеку, что считаю дело его жизни несусветным бредом, — больше мне рассчитывать здесь не на кого. При любой удобной возможности я найду способ доказать свою благонадежность охотникам и вернуться домой. Уверен, наша родня обязательно остынет, а мне просто нужно переждать кризисный период в безопасности.

Что я такого натворил? На самом деле, ничего. Разве что, завалил финальный экзамен Гильдии охотников. Это долгая и мутная история. Никто мне не верит, но ты должен знать, что я не виноват. Кровожадность и ненависть к поганым тварям у меня в крови, но впервые убить на охоте заданную тварь я не смог из-за… У меня были определенные причины. Родителям всю ситуацию изложили так, будто бы я подвергся влиянию дядюшки Джека, и меня неплохо было бы убрать, чтобы не плодить дурные идеи шерифов в столице. Я решил не дожидаться коронной казни Сантморов, поэтому, можно сказать, что меня подтолкнули к сотрудничеству с нашим дядей непреодолимые семейные обстоятельства. И вот, так я пришел к тому, что сижу один посреди тыквенного поля, которое какого-то черта принадлежит феям-зомби, и пью теплую колу. Мне в лицо дует ветер скверных перемен. В своем письме дядя Джек обмолвился, что любые перемены к счастью, но знаешь, сидя без гроша в кармане на заглохшей тачке с порванным в хлам гардеробом, я отчетливо понимаю, что у нас слишком разное понимание счастья.

После проваленного экзамена я значусь в списке нечисти у собственной семьи, потому на какое-то время в любимую яркую столицу мне путь закрыт. Чтобы выжить, я согласился поучаствовать в балагане дядюшки Джека в Рэйвенвиле и побыть шерифом на стажировке. Только не смейся. Нет, серьезно, Ромель, ты еще не читаешь, а я уже слышу твой смех. Сейчас же прекрати! Хотя ладно, я буду смеяться с тобой, чтобы не унывать.

Дядя писал, что на его территориях монстры и люди уживаются благодаря шерифам. Свои владения он измеряет одним мелким провинциальным городишкой и прилегающими к нему территориями древних полей и подозрительных ферм, что не значатся на официальных картах. Назвали этот городок Рэйвенвиль, потому что в годы после чумы приехавшие сюда гробовщики вместо гор язвенных трупов застали воронов, спокойно разгуливающих повсюду. Ходят байки, что местная нечисть помогла людям и обратила их в птиц, избавив от мучений болезни. Вороны до сих пор не покинули Рэйвенвиль и его окрестности. Они замысловато кружат над тыквенным полем и смотрят прямо мне в душу, гневно каркая. Эти гадкие птицы не рады мне, а я взаимно не рад быть гостем их владений. Один из воронов, к нашему с тобой счастью, оказался почтовым. Я птичьего языка не знаю, но на морковный пирог матушки он купился. Так и уболтал его доставить тебе письмо. Не считай меня сумасшедшим, ты сам научил меня заговаривать живых до смерти, с птицей тоже сработало. Выглядит наш новый почтовый ворон надежно, так что точно доставит все в сохранности. Мне остается лишь надеяться, что семья не запудрила тебе мозги, и ты не оборвешь со мной связь, выкинув это письмо. Верю в твой юношеский бунт против родителей. В конце концов, помни, кто прикрывал твои похождения к милым леди по ночам, если решишь бросить мое послание в урну.

Поверь, я больше всего сожалею, что оставляю тебя одного, еще и перед твоим поступлением в Гильдию охотников. Мой первый учебный год там, сам знаешь, был отвратительным, но потом стало легче, я даже выбился в многообещающие ученики.

Не волнуйся, Ромель, наша разлука не на долго. Если я не смог доказать серьезность своих намерений быть причастным к великой охоте на экзамене, то докажу, развалив сме-

хотворную Гильдию шерифов. И не такое мне доводилось уничтожать одним только своим присутствием. Как говорит наш отец с самого моего рождения, я разрушаю все, к чему прикасаюсь. Такова моя природа. Нужно лишь дождаться момента, когда я снова все испорчу одним только своим присутствием, или создать такой момент намеренно. Мы с тобой еще выпьем твоей любимой колы без сахара за мою «удачу» и находчивость.

Не знаю, что еще написать, чтобы ты понял, что я все еще твой любящий старший брат. Напишу, что вижу, пока есть время. Дурацкие вороны каркают над моей головой. В поле стоит фермер в джинсовом комбинезоне и болтает с феей-зомби. По обрывкам разговора понятно, что они договариваются о поставках тыкв. Забавно. В Центральной Роще при виде феи без раздумий достали бы мухобойку. Дядя Джек, конечно, натворил тут дел. По слухам, другие небольшие провинциальные города также стали пользоваться услугами шерифов. Не знаю, через что они умудряются себя рекламировать, но разберусь. Найду их слабые места.

Что еще вижу? Вижу на горизонте машину дядюшки Джека. Ромель, мне пора. Пожалуйста, отправляй свои письма по адресу: Рэйвенвиль, улица Зеленая 25, дом 36. Получи расположение почтового ворона, чтоб он и дальше подрабатывал нашим связным. У тебя в арсенале моя заначка со сладостями и матушкин морковный пирог.

P . S . Пожалуйста, сообщи родителям о моих планах на будущее. Думаю, это улучшит общий климат в семье. Береги себя.

С надеждой на твою поддержку и понимание,
Твой непутевый старший братец Льюис, который скоро вернется домой.

Рэйвенвиль и его обитатели

Дорога к городу тянулась вдоль бесконечных полей, что полнились рыжеющими на солнце тыквами. Никого из людей не было видно. Местами в старый ржавый «Форд» дядюшки Джека, который он ласково называл Вороненком, врезались зазевавшиеся феи-зомби. Льюис нервозно дергался от такого зрелища на лобовом стекла, а Джек останавливал машину, терпеливо снимал потерпевших и выражал свои глубочайшие извинения, тут же завязывая беседу про урожай этого года. Мелких вредителей, как их называли в Центральной Роще, очень успокаивали разговоры о работе. Феи-зомби не особо отличались от фей — маленькие, пищащие, иногда кусающиеся. Одно отличие — пережили они более тысячи зим, а от того синюшные, как мертвецы. Со слов Джека, эти существа лучше других разбирались в садоводстве, ведь сами были не далеки от овощей, поэтому им для работы были доверены все прилегающие поля Рэйвенвиля — и не зря.

— Ты видел эти странные бледные тыквы в Центральной Роще?! Поганки, Лью, а не тыквы! То ли дело наши рыженькие! А знаешь, в чем секрет? В том, что мы разрешаем феям нас кусать. Благодаря этому, во всем урожае овощей собраны вкусовые предпочтения каждого жителя нашего города, — дядюшка жужжал над ухом со своими рассказами также назойливо, как феи, желающие укусить. Льюис помалкивал о том, что в столице эта летающая мелочь была наравне с насекомыми. Никому не было интересно, для чего феи кусают. Видишь фею — бей мухобойкой, пока не укусила.

Юношу уже начало клонить в сон от дядюшкиной болтовни, когда он почувствовал жжение в области шеи и замахнулся для удара, но Джек, не отрываясь от дороги, предусмотрительно снял фею-зомби с племянника и выпустил в окно.

— Осторожно, чуть не пришиб ее, Лью! Согласен, кусают больно, зато к следующему сезону в полях будут овощи с твоим любимым вкусом, — довольно заявлял Джек. Льюис криво улыбался, прислоняясь щекой к окну, которое покрывали трещины. Он не планировал оставаться в захолустном Рэйвенвиле так долго. Они ведь даже не доехали до места назначения, а юноше было уже неуютно от близости монстров, да и дядя стал еще более чудаковатым, чем раньше. И ради чего он оставил свою комфортную стильную жизнь лучшего охотника столицы? Ради того, чтобы сейчас они ехали по ухабистой дороге, подскакивая на каждой кочке? Абсолютный чудак, которого Льюис не понимал.

Рыжие волосы Джека вместо приличной укладки стояли дыбом, их раздувал вольный ветер, проникающий из трещин в окнах, которые не было средств заделывать. Осеннее солнце игриво отражалось в его очках. Став шерифом, дядя Джек начал носить темные солнцезащитные очки, скрывающие зеленые глаза — фамильную черту всех Сантморов. Как говорил дед, по чистоте цвета можно было определить качество человека их семьи. Льюиса за его идеальные зеленые глаза, походящие на самый дорогой изумруд без единой примеси, окрестили в Гильдии охотников самым, что ни на есть, настоящим Сантмором. Это звание все прошедшие годы до своего провала на экзамене он нес с гордостью, подпитываемый пророчествами окружающих о великом будущем для себя. Скрывать свою родовую гордость он и не думал даже после всего случившегося — до сих пор верил в свое будущее охотника.

Дядя Джек глаза гордостью не считал. Нелепые солнцезащитные очки он умудрялся совмещать с не менее нелепой одеждой, которую уважительно называл формой. В то время, как у охотников были форменные черные брюки, жилетка и крепежи для оружия, на дядюшке-шерифе красовались рваные деревенского кроя джинсы и старый оранжевый свитер со значком-вороном. Эта птица была официальным символом шерифов, что выглядело просто жалко, если посмотреть на эмблему охотников — льва с огненной гривой. Лев запросто может убить ворона ударом лапы. Однако, как говорили шерифы, у небольшой птицы есть свои преимуще-

ство перед грубым хищником. Например, способность сливаться с темнотой и лишать глаз тех, кто умудряется заметить ее присутствие.

Льюис, одетый в брендовую черную джинсовку и классические брюки, считал вид дяди Джека безвкусицей, а форму шерифов в целом — нелепицей. Гордо поглядывая в боковые зеркала своими зелеными фамильными глазами, юноша поправлял идеальную укладку черных локонов, чтобы не выглядеть также плохо, как его родственник за рулем. Он сам не мог объяснить, почему непременно хотел выглядеть лучше, чем был на самом деле. Наверное, это тоже было что-то настолько же фамильное, как зеленые глаза. К большому сожалению, были мелочи, которые нельзя поправить одним только приглаживанием руки — к примеру, маленькая неидеальная царапина на щеке, появившаяся пару дней назад и заживающая, к печали Льюиса, крайне медленно. Еще и видна она была на его бледной коже слишком ярко, от чего, когда юноша смотрел в зеркало, ему казалось, что отметина расползается на все лицо и перекрывает собой изящную остроту наследственных идеальных черт.

— Это ты на своей неудачной охоте так поранился? — участливо звучал басистый хохотливый голос Джека над ухом, заглушаемый гудением его старого драндулета. Хотя дядя хотел подбодрить племянника, но для того эти слова звучали не иначе, как издевательство, особенно болезненно резало по ушам и самолюбию слово «неудачная».

Льюис отмалчивался на вопрос дяди, глядя в пролетающие перед его глазами осенние пейзажи. Желтые и оранжевые краски осени с приближением провинции агрессивно багровели, будто машина погружалась все глубже в реку крови. Учитывая, что Рэйвенвиль был городком, где уживались люди и монстры, Льюис не сомневался в том, что скоро увидит много настоящей крови и жертв настолько опрометчивого подхода шерифов к опасным тварям.

— Просто царапина, — Льюис спешил перевести тему. — Думаешь, моя Алая бестия будет работать после святой воды?

— Мама все еще подстраивает аварии всем предателям семьи? — Джек горько посмеивался. — Не переживай так. В свое время мы с Вороненком врезались на святой воде твоей бабули в дерево, но выжили, — старенький «Форд», поддерживая утверждение своего владельца, дрожал и пыхтел, будто намеревался испустить последний вздох. Льюиса это не обнадеживало. Они провалились в очередную выбоину на дороге, а потом подскочили на кочке, от чего юноша ударился макушкой об крышу дядиной тачки. Потирая свой ушиб, он с тоской глянул на свой красный сверкающий на солнце автомобиль, что катился прицепом к Вороненку, издавая предсмертные вздохи с ноткой былого скоростного величия. Его прекрасная Алая бестия, которую он получил от родителей за отличное окончание первого учебного курса в качестве охотника, нынче походила на покойника, отправляющегося в последний путь по дороге, именуемой не иначе, чем Стикс.

Льюис не без досады вспоминал ту чудесную осень, когда отец впервые одобрительно потрепал его по голове и вручил ключи от новенького автомобиля. Тогда старший из сыновей Сантмор чувствовал себя счастливым и признанным членом великой семьи охотников. Сев впервые за руль собственного авто и промчавшись по золотой столице, Льюис наполнился надеждами на будущее и гордостью за прошлое. В тот момент, когда ветер из распахнутых окон авто встрепывал его черные локоны, а сама машина мчалась сквозь кленовый листопад, осень стала любимым временем года Льюиса Сантмора: именно тогда он ощутил всю полноту, как ему казалось, жизни и решил, что быть великим охотником — это его призвание. Каждая осень с тех пор была именно такой, наполняющей надеждами и свободой в попытке обогнать ветер, но только не нынешняя. Сейчас сверкающие останки былых радостей и планов, напитанные святой водой бабули Сантмор, со скрипом ехали за громыхающим Вороненком. Взрыхленная земля и рыжина деревьев больше не пахли солнечным счастьем, которое напоминало запах столичного кофе, выпечки, бензина и дорогих парфюмов хищных охотниц Центральной Рощи. Нет, Льюис чувствовал запах раздавленных тыкв, грязи и древней чумной пыли. Даже бензин

здесь пах иначе. Тошнотворные испарения сбивались в аромат разочарования не только всей семьи Сантмор, но и юного Льюиса. Он кашлял от удушливости скверного смрада, сгущающегося не только в его носу, но и в голове, полной гнетущих мыслей.

— Подавился? Выпейка-ка, полегчает! — похоже, для дяди Джека отвратительный запах неудач был обыденностью. Он слишком принюхался, поэтому совсем не ощущал его. В руках у Льюиса оказалась железная фляга Джека. На прохладном железе юноша нащупал рисунок четырехлистного клевера и гравировку: «На удачу в тяжелые времена».

— У отца такая же.

— Марк не выкинул? Вот так дела, — удивленно пожимал плечами Джек, — на самом деле, они разные из-за надписей.

— А что написано у отца? — спрашивал Льюис, раззадоривая чужие болезненные воспоминания.

— А как ты понял, что охота — это не твое? — отвечал вопросом на вопрос Джек, также филигранно, как ворон, изучая свою добычу.

Когда ответа не следовало, дядя смеялся, чтобы сгладить неловкость, от чего становилось еще более неловко:

— Пей, Лью. Каждому разговору свое время.

Льюис опускал глаза вниз и поглаживал пальцами железную флягу. Точно такую же носил с собой Маркус Сантмор, отец Льюиса и Ромеля. Никому не разрешено было касаться ее не то, что читать гравировку. Сыновья Маркуса усвоили это правило с детства, когда чуть не закопали «реликвию» отца, играя в пиратов. На всю жизнь в голове Льюиса остались рыдания младшего брата. Именно Ромель принес для игры флягу и тем самым обрек их на наказание. Не то, чтобы простоять пару часов в углу было чем-то таким уж ужасным, но они никогда еще не видели отца настолько злым. Льюис очень долго успокаивал Ромеля, повторяя: «Ты ни в чем не виноват. Все ошибаются. Это нормально». Как бы не убеждал старший брат младшего в этом, сам он после того раза филигранно старался избегать ошибок. Где-то внутри, в пламени родных всхлипов, навсегда осталась выжжена мысль, что неверный шаг может обернуться болью дорогих ему людей. К сожалению, происходящее сейчас говорило о том, что Льюис все же оступился и был вынужден теперь расхлебывать последствия своей ошибки.

От ноющего, как старая рана в непогоду, воспоминания дышать стало совсем скверно. Ромель остался где-то за тысячи километров отсюда один в первый учебный год в Гильдии охотников, самый жуткий год для новичков, и Льюис ничем не мог ему помочь и злился на себя за это. Чтобы стряхнуть гнетущие мысли, юный Сантмор нервно сделал большой глоток из дядюшкиной фляги. Непонятный напиток холодом обжег горло, морозная горечь дошла до самого мозга. Было настолько горько, что сперло дыхание. Неудивительно, что дядюшка не ощущал запаха неудачи, провала или разочарования с такой-то отравой. Льюис жадно хватал ртом воздух и удивлялся, как Джек дожил до этого момента с таким потенциалом для отравления.

— Это что, бурбон? — прохрипел юноша, пытаясь восстановить дыхание и обмахивая себя руками.

— Ты что! Это мятный отвар моей жены. Ни грамма алкоголя, зато бодрит и освежает, — с усмешкой Джек перехватил флягу и с легкостью отпил из нее. — Я познакомлю тебя с моей Эдной и твоим кузеном Жаком.

Льюис удивился, но не столько стойкости дяди к мятному отвару, сколько наличию у него жены и сына. О женитьбе дядюшки дома говорили только в ключе анекдотов. Дед не раз за семейными застольями, сначала отчаянно выхваливая старшего сына Марка за его хорошую работу, прекрасную жену и не самых плохих детей, а потом смеялся, что только отчаявшаяся или сумасшедшая выйдет замуж за его младшего сына, предателя охотников, поэтому продолжения гнилой ветки их рода ждать не стоит. Учитывая славу Рэйвенвиля и шерифов,

Льюис предположил, что женился Джек на ком-то намного хуже по меркам их семьи, чем просто отчаявшаяся или сумасшедшая женщина. Дядя, словно издеваясь, поспешил подтвердить опасения племянника:

— Она ведьма, — уточнил с приятнейшей улыбкой Джек. — Это ведь не проблема?

— Что? Совсем не проблема! Очень здорово! — нервно посмеивался Льюис, мысленно прикидывая, на какой день в Рэйвенвиле его настигнет смерть. Забавно, что именно популярной в прошлые годы охотой на буйствующих ведьм прославились Маркус и Джек Сантморы. Жутких леди с зеленым оттенком кожи они сжигали за множественные противозаконные действия в Центральной Роще. На охоту на них ходили с огнеметами. Когда-то Джек считался в изничтожении этих тварей самым непоколебимым, стойким и кровожадным, а теперь был женат на одной из них. На минуту Льюис даже счел дядюшку жертвой ведьминых чар и искренне вознамерился ему помочь вернуться в семью:

— Ты из-за любви к Эдне бросил охоту?

— Нет, мы с Эдной познакомились позже, — коротко отрезал тот. Слова его подкрепляло карканье ворон, что летели вслед за машиной. План непрошенного спасения Джека был поспешно вычеркнут из списка дел на эту осень.

Льюис не успел накрутить себя мыслями о том, во что он ввязался, написав письмо дядюшке с просьбой о помощи, как раздался скрежет гигантских железных ворот, напоминающих решетку темницы, над которой закрепили табличку с гигантской надписью «Рэйвенвиль». При въезде на территорию города Вороненка обдало порывом ветра, что залепил лобовое стекло опавшими листьями. Льюис вылез из машины вслед за дядей, чтобы вдохнуть свежего воздуха после бодрящего мятного отвара и не менее бодрящих новостей о женитьбе Джека на ведьме.

«И это еще неизвестно, что за выродка они породили. Чёрта с два, я буду считать его кузеном. У меня только один брат, и он остался далеко от этой дыры», — мерзкие по содержанию мысли проигрывались в голове юного Сантмора, пока он лениво обчищал лобовое стекло дряхлого «Форда» от жухлых листьев, поглядывая на сияющего от счастья дядю. Кажется, тот наслаждался всеми неудобствами мрачной провинции. Когда Джек поворачивался со своей искренней улыбкой, Льюису приходилось тщательно скрывать свою неприязнь ко всему происходящему, улыбаясь в ответ. Для юноши, прожившего всю жизнь в семье великих охотников, чья фамилия пропиталась кровью тварей, это было очень сложно. В момент, когда улыбаться становилось невыносимо, он просто отворачивался от смотрящего, кутаясь в свою джинсовку, и тяжелым взглядом рассматривал бесконечный горизонт осенних полей.

— Замерз? Неудивительно, в таком-то скверном шмотье, — дядя Джек ободряюще похлопывал племянника по плечу, — в форме шерифа тебе будет удобнее. Залезай в машину. Покажу город.

«Также удобно, как если бы я одел мамины туфли на каблуках», — мысленно огрызался Льюис, захлопывая за собой дверь машины.

С грохотом Вороненок въехал в Рэйвенвиль. Следом за ним на прицепе тащилась Алая бестия. Льюис не забыл приятного ощущения легкости, когда при въезде в столицу из ближайшего пригорода дорога сиюминутно становилась ровнее, дабы еще раз утвердить его веру в цивилизацию. С другими городами тоже работала подобная закономерность, однако Рэйвенвиль выделился и здесь. Ухабов и ям на городской дороге, если ее вообще можно было так назвать, оказалось больше, чем ровных участков. Подскакивая на очередной неровности, Льюис меньше всего хотел каких-либо экскурсий по этому богом забытому месту, которое окружали тыквенные поля с феями-зомби. Он желал скорее зарыться где-то под одеялом, чтобы весь мир забыл о нем и оставил в покое. Но дядя Джек был слишком настойчив. Пришлось при всем неудобстве внимательно смотреть по сторонам.

В отличие от сияющей столицы, где небоскребы, напоминающие многовековые стволы деревьев, перекрывали небо, дома Рэйвенвиля были невысокими — максимум три этажа. Деревянные и каменные строения, чьи крыши покрывала битая черепица, не соревновались в высоте и, тем более, не стремились дотянуться до облаков. Эту привилегию они оставили деревьям, которых в провинциальном городке было едва ли не больше, чем зданий. Человеческие постройки здесь терялись среди дубов, кленов и краснеющих рябин. Деревья тоже не перекрывали небо. В Рэйвенвиле оно ощущалось чем-то сакральным: на что нужно смотреть, но нельзя трогать. Впервые за всю жизнь Льюис видел настолько большое пространство неизвестного над собой, стоило лишь поднять голову. В Центральной Роще поводов остановиться и взглянуть вверх не было, все равно увидел бы в лучшем случае лишь крыши гигантских небоскребов.

— Почему дома такие маленькие? Могли бы ведь быть повыше, — спрашивал Льюис, высунувшись из окна и не отрывая взгляда от мрачных облаков, что были настолько близко.

— Могли бы, но в Рэйвенвиле считают, что небо нельзя перекрывать, — отвечал дядя.

— Почему же? — усмехался Льюис.

— Потому что с неба приходят чудеса для каждого из нас. Если мы закроем весь небосвод своими зданиями, как же чудо нас увидит?

— Наверное, поэтому в столице в чудеса не верят, — не без иронии отвечал Льюис на дядюшкины высказывания, которые казались не более, чем прикрытием бедственного положения города. Юный Сантмор не верил в чудеса. Как и все охотники, намного больше он доверял существованию проклятий.

— А жаль, потому что чудес очень много, Лью.

Автомобиль Джека неспешно ехал по городу. Редкие машины были припаркованы недалеко от домов. Рядом с ними ютились ступы с метлами — излюбленный транспорт ведьм. Недалеко от обычных парковок можно было заметить посадочную полосу для летающих объектов. Прямо перед Вороненком пролетел грифон и приземлился на ней.

«Слабое место грифона — крылья. Лиши его возможности летать — и он погибнет», — вспоминал Льюис пособия охотников, разглядывая, как гигантское существо распушивает свои перья.

Недалеко от парковочной и посадочной зон расположилась детская площадка, где сегодня гуляло много детей, играющих со щенками разных пород. Как настоящий охотник Сантмор, Льюис быстро определил, что это были маленькие оборотни — самые кровожадные существа, способные одним хлопком своей челюсти отделить голову жертвы от тела. Если бы к Ромелю подошел в детстве такой щеночек, то непременно получил бы серебряной лопаткой по голове от Льюиса. Оборотней хорошо изничтожает серебро.

— Правда, здорово? Малышня уже дружбу водит. Вы с Ромелем на контакт с другими детьми в детстве шли плохо, брат твой рыдал вечно, а ты кусачий был. Уж поверь, кусался больнее всякой феи-зомби, если кто-то лез к брату, а он сразу от незнакомцев в истерику и давай рыдать, — с хохотом говорил Джек, высматривая что-то по сторонам.

— У вас тут… интересно, — отвечал Льюис, жутко смущенный напоминанием о детстве, а дядюшка уже во всю вспоминал, что у него есть несколько видов шрамов: от ведьм, от оборотней и от укусов маленького Льюиса.

«Это ужасно, что худший из Сантморов заставляет меня испытывать стыд», — Льюис закрывал лицо руками, но даже тыльные стороны его ладоней багровели при упоминании некоторых моментов из детства.

Первой остановкой Вороненка в городе стала кофейня «Сдобный путник». Одно название вызывало у Льюиса скверные ассоциации, хотя снаружи забегаловка напоминала самое обычное кафе в минималистичном стиле. Перед входом располагалась деревянная веранда с милыми вывесками, на которых разноцветными мелками были выписаны чужие адреса и имена для новых знакомств. Например: «Гоблин Роджер с Серой улицы ищет компаньонов для

настольных игр, но только чтоб никто не претендовал на фигурку мага». В подобных кафешках столичные модницы собирали свежие сплетни, а сам Льюис не раз заводил там подружек. И все же, первый взгляд обманчив. Не смотря на придурь дяди, юноша не собирался умереть здесь, а потому продолжал настороженно оценивать обстановку.

Внутри кофейня тоже оказалась вполне милой. Играла убаюкивающая музыка, создающая доверительное ощущение комфорта. От небольших порывов ветра из двери под потолком покачивались розоватые люстры, что напоминали ловцы снов. Их украшали пушистые перья, окрашенные в разные цвета. Множество деревянных столиков стояло у окон, на стульях лежали большие подушки. Если дизайн кафе косил под столицу, то запах выдавал захолустье. Льюис с ехидной усмешкой подмечал, что его так просто не обманешь, и хвалил свою наблюдательность. Пахло в «Сдобном путнике» самым дешевым и даже пустым кофейным зерном. В Центральной Роще с кофе уже давно работали на более высоком уровне.

Словом, это была бы самая обычная придорожная кофейня, которая пытается казаться лучше, чем она есть, если бы не необычные посетители: гоблины, горгоны, сирены и даже кентавр-футболист. В придачу к ним, гарпия за стойкой приема заказов. Особа эта была возраста Джека. На ней красовалась короткая оранжевая юбка и блуза ванильного цвета, которую перекрывал фартук с названием кофейни. Розоватые перья, как и волосы, в санитарных целях покрывала защитная разноцветная сетка. При виде новых посетителей она заметно оживилась, оскалившись в клыкастой улыбке, от которой кровь стыла в жилах. Не раз на занятиях Гильдии Льюис слышал рассказы преподавателей, как гарпии своими клыками вскрывают плоть жертвы, чтобы их выродкам было удобнее есть падаль.

— Джек! Тебе как обычно? А что это за малыш с тобой? — гарпия, подобно домашнему попугайчику, подскочила на стойку, уцепившись за нее своими когтистыми лапами. Льюис заметно побледнел при виде столь смертоносного оружия.

— Знакомься, Мэри, мой племянник Льюис Сантмор. Новый шериф, — гордо заявил Джек. — Лью, это Мэри, прекрасная официантка и замечательный кондитер.

В следующее мгновение по спине Льюиса прошел холодок. Не зря он чувствовал подвох! Мэри приняла враждебную позу, распахнув крылья. Под рукой, как на зло, не было ничего достойного для обороны. Льюис, как учили в Гильдии, взглядом стал выискивать пути отступления. Чтобы доказать свою ценность и еще раз подтвердить свое право называться охотником для начала надо выбраться, потом найти оружие, потом… Инструкция в голове прервалась, когда юный Сантмор остановил свои панические мысли и взглянул на дядю. Тот, подобно гарпии, распахнул руки и с усмешкой стоял на дыбах. Признаков нападения и битвы на смерть не наблюдалось.

— Лью, чего встал? Поздоровайся, — сквозь хохот мягко улыбался Джек, взглядом указывая на себя и Мэри. Его ошарашенный племянник все еще не понимал, что должен сделать. Уловив чужое волнение, гарпия подобрала свои перья и вернулась за стойку:

— Джек, расскажешь малышу потом, как здороваются гарпии, а то в следующий раз помрет еще со страху, — Мэри хохотала вместе с Джеком. Льюис стыдливо отводил взгляд в сторону. Чертовы гарпии всегда отличались особой проницательностью.

— Что будет пить Джек, я знаю. А что будешь ты, малыш? — Мэри по-птичьи склонила голову набок.

— Я не малыш, мне двадцать два. Капучино, пожалуйста, — невнятно пробормотал Льюис, с трудом скрывая свое раздражение всем происходящим. Никогда еще он не находился без оружия в окружении стольких монстров. Но что удивительно, им всем не было до него дела: без малейшего признака агрессии они распивали напитки и наслаждались замысловатыми десертами.

Вышли из кафе Джек и Льюис через пятнадцать минут. В подарок от гарпии им достался пакет с новыми сладостями «Сдобного путника» на пробу. Льюис и не думал о сладком, все

еще был бледен после произошедшего и едва стоял на ногах. Дядя Джек летучей походкой направлялся к машине, довольно потягивай свой американо с корицей и припевая навязчивую мелодию. Поддавшись влиянию дядюшки, Льюис решил попробовать свой капучино. Это была неприятная ошибка. На вкус сомнительный напиток в дешевом пластиковом стаканчике напоминал больше дождевую воду с червями, чем кофе.

— Заходи сюда, хорошее место, Лью, — говорил Джек, с удовольствием попивая свой кофе.

— Ты не скучаешь по кофе в столице, дядя? — поморщившись от нового глотка своего напитка, спросил Льюис. Его голову посещали мысли о том, что содержимое пакета со сладостями может быть таким же мерзким. Юноша искренне не понимал, как его родственник привык питаться чем-то подобным.

— Разве скучают по кофе, Лью? — когда дядя говорил так, Льюис чувствовал себя полным дураком, хотя ничего глупого и не говорил. Было логичным скучать по привычным, вкусным и комфортным вещами, с которыми тебя разлучили.

— По нему тоже скучают, — пожимал плечами Льюис.

— Ты скучаешь по кофе, Лью?

Льюис терялся от этого вопроса, нервно вздергивал брови и, глядя в свое отражение в жиже, именуемой кофе, совершенно не находил, что сказать. Дядя определенно был чудаком. Это же надо, закончить разговор вопросом, на который сам не ответил. Джек задумчиво покачивал головой, а потом со свободной усмешкой заглядывался на небо и перехватывал лист клена, что летел ему прямо в лицо.

Они держали свой путь дальше на машине. Дорога пустовала. Проезжая по ней, Вороненок поднимал пыль и опавшие листья в воздух — они кружили возле окон в своем последнем танце. Льюис прижимался лбом к стеклу, прикрыв глаза. У него не было оружия, а за каждым поворотом скрывались монстры — жители Рэйвенвиля, спокойно общающиеся с людьми. Как и все охотники, он на уровне инстинктов чувствовал в мнимой непринужденности угрозу.

«Мне страшно?» — такая мысль звучала смешно. Своих охотников Гильдия закаляла в боях, но на первом курсе все начиналось с рассказов о жутких монстрах, которые угрожают вам и вашим близким. Льюис сильнее кутался в свою джинсовку, пытаясь отогреться и спрятаться. Он никому не рассказывал всех подробностей о своем первом курсе, даже брату, хотя тот знал, как ему нелегко приходилось. Льюис не любил вспоминать начало учебы в Гильдии.

— Ты испугался Мэри? Ничего, это рефлекс. Пройдет. Все охотники считают, что у гарпий это нападающая позиция, но на самом деле они так здороваются. Я тебя всему научу, — заботливо обещал дядя, пытаясь приободрить заметно притихшего племянника. — Тебя что-то тревожит?

— Да так, — неуверенно отвечал Льюис. Он не считал, что обязан учить бред сумасшедшего. Гарпии опасны, как и сам факт существования такого места, как Рэйвенвиль, защищенного от проникновения охотников, как говорил дед, неведомыми силами.

«Что ж, не так-то сложно сюда попасть охотнику», — уверенно думал Льюис.

Следующая остановка Воронка произошла через десять минут. Сначала Льюис не понял, почему они остановились посреди зарослей рябины, но, присмотревшись, увидел за ними небольшое здание, напоминающее большой загородный дом, слившийся с природой.

— Это штаб Гильдии шерифов, — дядюшка Джек вылез из машины.

— Ты тут не один работаешь?

— Я главный, но дел много, так что одному не справится. К тому же, мы расширяем сейчас свое влияние, и подмога никогда не будет лишней. После разъезда отдельных групп по другим провинциям в Рэйвенвиле нас осталось только пять. Ты будешь шестым. Идем, — Джек махнул рукой племяннику и пошел к штабу.

Льюиса пронизывал ледяной ветер. Он привязался к юноше с прибытия в город. Дяди ледяные порывы не касались. Рыжие волосы главы шерифов приятно трепал теплый осенний ветерок, живущий между листьев деревьев. Вороньи локоны Льюиса неприятно дергал мертвенно холодный ветер. Он бил по щекам и нагло пытался сорвать куртку. Никто больше не чувствовал такого холода и не стучал зубами так, как приехавший сегодня юноша. Если это и была та загадочная сила, оберегающая город, ей стоило лучше стараться. Льюис не намеревался сбегать из-за какого-то ветерка.

— И это та самая неведомая сила? Чушь какая, – с надменным выражением лица фыркал он.

Вскоре юноше предстояло на собственной шкуре убедиться, что в неизвестных силах не сомневаются. Неприветливый ветер разгулялся не на шутку. Льюису пришлось приложить огромные усилия, чтобы дойти до здания штаба из-за сносящих порывов. Наконец-то он вцепился синеющими от холода пальцами в дверь и вместе с осенними листьями влетел внутрь. На долю секунды показалось, что за дверью кто-то был, но выглянув наружу, Льюис никого не застал — тихонько дул легкий ветер, облетевшие листья покачивались на земле. Щенки оборотней вместе с человеческими детьми шумно рвали рябину у самого дальнего от штаба дерева.

— Льюис, ты идешь? Я тут рассказываю тебе истории, а ты ворон считаешь! — Джек подхватил племянника за плечо и повел за собой.

— Дядя, сколько людей состоят в вашей Гильдии? — Льюис неспеша шагал по деревянным доскам, вдыхая аромат старой хвои, которым было напитано здание. Взглядом он искал тайное оружие, множественные архивы, но видел лишь обычный загородный дом, который был настолько влажным, что на стенах выступил мох, а некоторые деревянные балки пустили корни.

— Дай-ка подумаю, больше сотни нас точно будет, — отвечал Джек, когда они проходили кухню. Дядюшка уцепил со стола засохшее имбирное печенье, которое будто осталось со времен первой охоты, и похрустывая им, направился дальше.

— Не отставай. Тебе надо познакомиться с коллегами.

С каждым шагом вперед Льюис чувствовал себя все более потерянно. Гильдию шерифов на занятиях охотников представляли как опасное подпольное объединение, которое сотрудничает с монстрами и поэтому его нельзя разбить. И что же Льюис видел? Ряды охотников насчитывали более миллионов участников, огромный штаб в виде бизнес-центра, арсенал оружия и еще бог знает что в придачу. Из Льюиса вырвался нервный смешок. Что-то не сходилось. Как при всем своем добре охотники до сих пор не разгромили жалкую шайку шерифов? Попыток ведь было не мало, но дошло до того, что влияние охотников стало падать в небольших городках, обращая их в рассадники монстров, вроде Рэйвенвиля. Либо дядюшка чего-то не договаривал, либо Гильдия охотников умалчивала о своих проблемах, либо было еще что-то третье. Точного ответа Льюис еще не нашел, зато заприметил вход в подвал. Дядюшка ушел достаточно далеко, так что было время заглянуть. Возможно, именно там хранилась разгадка могущества Гильдии шерифов. Льюис потянул руку к двери, когда услышал за спиной знакомый голос:

— Сэр, прошу меня простить, но вы не заблудились? — Льюис медленно поднял руки вверх. Лучше не дергаться перед вооруженным человеком. Кто бы вообще вышел к незнакомцу, которого подозревает во взломе, без оружия? Один такой чокнутый все же был.

— Юджин? — сегодня был день удивлений, хотя Льюису после последних событий казалось, что удивляться он не сможет очень долго. Перед ним стоял его бывший однокурсник, вылетевший с первого курса Гильдии охотников. Этого болезненного парня сложно было забыть. Природа всячески поиздевалась над ним — наделила прекрасными белыми локонами, совместив их с серыми невзрачными глазами и такими же веснушками, больше напоминаю-

щими осевший на щеках пепел. Помимо психологических страшилок Гильдии, Юджин в свое время столкнулся с травлей и, не сумев дать отпор, сбежал. Его дальнейшей судьбой Льюис не интересовался. Хоть в общих издевательствах Сантмор не участвовал, общались во время учебы они мало, а сбежавших от сложностей юных охотников было слишком много, чтобы интересоваться судьбой каждого из них.

— Льюис Сантмор! — узнавание Юджина было далеким от радостного. В бесхарактерных серых глазах стоящего напротив юный Сантмор нашел что-то, напоминающее человеческую волю. В следующее мгновение Льюис оказался повален на пол и прижат лицом к грязному ковру, пропахшему древностью.

— Тревога! В штабе охотник! На первом этаже! Тревога! — поспешно передал Юджин по рации. С последней встречи у него заметно прибавилось сил, а голос стал более уверенным.

— Бывший охотник, Юджин! Бывший! Отпусти меня, этот ковер отвратительно воняет плесенью, — Льюис попытался поднять голову выше, но тяжелая рука прижала его вниз. Можно было бы заняться боями без правил, но драться без смысла утомленный долгой дорогой Льюис считал несуразной идеей. Оставалось только смириться и раздраженно морщиться от ужасного запаха старости.

— Ври кому-то другому, Сантмор! — не унимался Юджин.

— Он не врет, — раздался со спины голос дяди Джека, — отпусти его, Юджин. Это тот самый новенький, о котором я вам говорил.

Настало время Юджина удивляться. Неуверенно он ослабил хватку. Льюис поспешно встал, отряхиваясь и осматривая бывшего однокурсника с ног до головы. Дурацкий оранжевый свитер в черную полоску делал его еще более нелепым, чем учебная форма охотников, которая в далеком прошлом едва не спадала с тощего тела.

— Неожиданная встреча, Юджин, а мы-то все переживали, куда ты пропал, — саркастично протянул Льюис, взору которого предстали те пятеро шерифов, что последние годы успешно наступали на пятки самым матерым охотникам Центральной Рощи. Кроме дяди Джека и Юджина, среди них бы мужчина лет шестидесяти в сером свитере, с оранжевым шарфом на шее. Пожилой незнакомец закашлялся:

— Марти, бывший психолог Гильдии охотников, нынешний — в Гильдии шерифов. Рад знакомству! — скрипящим полухрипом представился Марти, пожимая руку Льюиса. Из-за какой-то старой травмы этот шериф не мог говорить по-человечески, от чего все его слова напоминали скрежет пенопласта по стеклу, неприятно раздражающий уши, но никто не жаловался. Дядя Джек говорил, что важнее не то, как говорят, а какой в этом смысл.

Рядом с Марти стояли братья-близнецы. Они напоминали всех жутких близнецов из книжных хорроров, которые обожал читать Льюис и ненавидел Ромель. Оба юноши были одеты в одинаковые зеленые свитера с оранжевым изображением тыкв на рукавах. Их синие волосы собирались в длинные хвосты, а поразительной глубины глаза синхронно моргали, вызывая мурашки под кожей. На их щеках виднелись уродские синюшные шрамы, что напомнили по форме след от острия гарпуна, с которым охотники изничтожали морских гадов. Отличить близнецов шерифов можно было лишь по выражениям лиц — один был мрачен и угрюм, а второй едва заметно улыбался уголками губ, что все равно не вызывало никаких приятных ощущений. Ни одна улыбка из страшной истории про близнецов не предвещала ничего хорошего.

— Сон и Кошмар, Кошмар и Сон, сирены Рябинового озера Рэйвенвиля, — синхронно произнесли они и кивнули в знак приветствия. Час от часу было не легче. Кто есть кто, Льюис не понял, но тоже кивнул, предполагая, что со временем научиться их различать, если вообще решится подойти к ним еще раз после новостей об их водной природе.

— С Юджином Вудсом ты знаком, я так полагаю? — спросил дядя Джек, бросая усмешливый взгляд с одного юноши на другого.

— Знакомы. Извини за такой прием, Льюис, но ты сам все понимаешь… — сдержанно сказал Юджин, протягивая руку для приветствия. По чуткому взгляду серых глаз Льюис был уверен, что бывший однокурсник заподозрил что-то неладное.

«Не зря ты никому не нравился в Гильдии охотников», — давя приветливую улыбку, юный Сантмор отвечал на рукопожатие.

— А я рад представить вам моего племянника, бывшего охотника Льюиса Сантмора! С завтрашнего дня он приступит к работе и поможет нам в установлении дружеских связей и разрешении конфликтов между потусторонним миром и людьми, — торжественно заявил дядюшка Джек, ободрительно встрепывая волосы Льюиса.

Откуда-то сверху раздался хлопок — вниз полетели оранжевые и серебряные фольгированные конфетти. Солнечные зайчики от них развели хоровод из бликов вокруг Льюиса. Пятеро шерифов громогласно хлопали в ладоши, приветствуя новоприбывшего.

— Добро пожаловать, новый шериф! — с хриплым кашлем выкрикнул Марти.

«Глупцы, я охотник из рода Сантмор. Я ваша погибель», — силился улыбаться Льюис, принимая поздравления.

Наконец-то экскурсия по городу подошла к концу. Закатное небо заволокли тучи. Полил сильный дождь. По реке, которую дядя Джек почему-то упорно продолжал называть дорогой, они плыли на машине домой. Льюис был вымокшим до нитки, а его ботинки покрывал слой грязи, которую облюбовал дождевой червь. Дело в том, что Вороненок застрял в подъеме на гору — и им с дядей пришлось его толкать. Этот день Льюис официально занес в список худших дней своей жизни. Укус феи-зомби чесался, по лицу стекала вода, а дядя напевал какую-то дешевую дорожную песенку.

Во влажных волосах Льюиса запутались разноцветные конфетти из Гильдии шерифов. Обычно эти огрызки веселья вызывали радость, но в этот день навевали лишь тоску. Хотелось поскорее принять душ, но дядя Джек предупредил, что горячую воду отключили, поэтому перед сном придется закипятить пару чайников, чтобы набрать ванную. С каждой новостью Льюису все сильнее хотелось сдаться и сбежать домой на верную смерть от рук разъяренной родни.

Прислонившись лбом к окну автомобиля, Льюис сжимал в руках сверток со сладостями из «Сдобного путника» и мятый свитер, который выбрал в гардеробной шерифов. К выбору своей формы новоиспеченный шериф не отнесся серьезно, хотя дядюшка называл это важным ритуалом. Ну что за глупость! Кто вообще придумал говорить, что по свитеру будет понятно, каким шерифом ты будешь? Наверное, дядюшка Джек с его чудачествами и придумал. К тому же, Льюис знал, что будет плохим шерифом, потому что он охотник, собравшийся развалить всю их организацию, чтобы вернуться домой. У охотников все понятно — одинаковая форма, одинаково опытные бойцы с монстрами, одинаковые вылазки на охоту по расписанию.

Марти, поддерживая чудачество Джека, со своим коронным раздражающим хрипом отметил, что свитер станет олицетворять гармонию нахождения в коллективе. Льюис считал все это лишь заумными словечками психологов, которым он не верил, потому что сам тайно посещал пару раз сеансы психотерапии — не особо помогло. Он не собирался чувствовать себя комфортно в Гильдии шерифов. Ему всего-то нужно было все развалить, как он успешно это проделал со своей карьерой охотника и многими другими вещами в своей жизни. Тогда путь домой снова будет открыт, а дурацкий свитер сменится на любимые брендовые обновки.

«Надо будет посмотреть потом, что я хоть взял, а то ведь эти чудаки шерифы заставят носить», — сонно подумывал Льюис.

— Необычный выбор свитера, одобряю, — говорил дядя Джек с очень уж задорным смехом. Это настораживало, но шум дождя за окном уносил преждевременные тревоги. После настолько насыщенного дня сил тревожиться не осталось. Больше не было видно монстров,

свободно разгуливающих с людьми по улицам — только стена воды, стекающей по треснувшим стеклам.

— Если у вас тут так хорошо и мирно, чем занимаются шерифы? — уныло зевал новоиспеченный шериф.

— Не все мирно, Лью. Не все существа согласны с мирной жизнью. Многие проводят подпольные делишки и уничтожают репутацию своих сородичей, из-за чего бесятся охотники, считая всех их монстрами. Сложнее всего сейчас дела обстоят с вампирами. Ты ведь знаешь?

— Знаю, на учебную охоту нас выводили на них, — о да, Льюис знал. Нынче модными и престижными считались охотники, разбирающиеся с «кровавой чумой», что вернулась спустя пару столетий. Вампиры были квинтэссенцией всего худшего в чудовищных тварях. Они владели гипнозом, могли колдовать, убивать и мастерски заметали следы. Нападение различных чудовищ на людей происходило волнами. Как и все им подобные, вампиры пришли в Центральную Рощу с очевидным желанием изничтожить людей.

— Их клан не идет на контакт и при этом порождает самые кровавые конфликты в столице. Мы до сих пор не можем понять их целей, чтобы разрешить проблему.

— Значит, ты хочешь сказать, что предыдущие монс…потусторонние существа переставали нападать после того, как вы устанавливали договоренности, а не из-за отпора охотников?

— Именно так. Силой дела не решаются, Лью, — серьезно говорил дядя.

«Ты сам-то в это веришь?!» — Льюис прикрывал рот ладонью, чтобы не засмеяться. Юный Сантмор не верил в участие шерифов в достижении спокойствия. Пока охотники вели бои, эти предатели трепали языками. Словами никого не напугаешь. С детства Льюис знал, что сильнее, чем сила, нет средства.

— Интересно будет послушать причины нападений различных существ в разные годы, дядя, — не без иронии заявлял юноша.

— Со временем все узнаешь, — спокойно говорил Джек, — кстати, мы приехали.

Под громыхания грома обе машины загнали в гараж небольшого двухэтажного каменного дома, на крыше которого тревожно вертелся в разные стороны флюгер в форме летучей мыши. Свет в окнах не горел. Жена и сын дяди Джека этой ночью были на обязательном для всех колдунов шабаше в честь начала сбора урожая, так что, к большому счастью уставшего Льюиса, знакомство с новой родней переносилось на завтра. К несчастью, им оставили перекус, поэтому впереди был ужин с дядей.

На уютной кухне, пропахшей насквозь разнообразными травами, пучки из которых весели даже под потолком, Джек разлил из большого ведьминского котла суп в черные керамические тарелки. Как он объяснил, это классическая похлебка Эдны. Льюис не знал, что больше будоражит его опасения: то, что это варево готовила ведьма или то, что даже без огня похлебка продолжала вскипать. С легким недоверием он помешивал пузырящееся блюдо, которое Джек с аппетитом уминал за обе щеки.

«Возможно, за долгие годы изгнания у него выработался иммунитет ко всякой мерзости?» — подумывал племянник, не без опаски пробуя ложку. На удивление, правда оказалось вкусно. В странном вареве Эдны смешался вкус морепродуктов, мяса и пряностей. Не чизбургер из дорогого фаст-фуда, конечно, но под конец не самого хорошего дня лучше, чем ничего.

После горячей ванной Льюис окончательно расслабился. При свете пыльной керосиновой лампы они с дядюшкой распивали на кухне чай. Конечно, в городе было электричество, но Джек считал, что древний свет лучше располагает к умиротворению, чем иллюминация. Льюис сменил свой пафосный прикид на пурпурную шелковую пижаму, еще раз убедившись, что придется запатентовать дырявый стиль в Рэйвенвиля, чтобы не сильно выделяться. Когда-то прямо на груди пижамной рубашки был брендовый знак, а сейчас, благодаря усилиям деда, вместо него красовались дыры. Дядя даже пошутил на эту тему. Оказалось, в свое время они с отцом Льюиса тоже называли деда «модельером» — старик не раз различными способами

портил их вещи в порыве гнева. Джек с усмешкой успокаивал племянника, что что-то из вещей на первое время можно будет одолжить у Жака, а то Льюиса с дырами в одежде могут счесть слишком экстравагантным. В ладонях уютно дымилась чашка с рябиновым чаем, а на столике стоял гречишный мед, продирающий горло приятнее мятного отвара.

— Дядя, кроме вампиров, чем я буду заниматься?

— Ты? Вампирами? По правде, с этим опытные шерифы не очень справляются, чтобы сразу отсылать тебя, но посмотрим, как пойдет. Никогда не знаешь, куда тебя направит этот городок, Лью, надо просто довериться, — по-отечески говорил Джек. — Есть еще небольшие местные конфликты: сбыт нелегальных зелий людям, незаконное использование магических животных и куча прочего. Многие из этих дел локальны, касаются только Рэйвенвиля, но некоторые рискуют обрушиться на столицу, если ничего не предпринять. Мы находим и разрешаем такие вопросы, чтобы в конечном итоге упразднить охоту. Завтра уже введем тебя в курс работы, ты получишь первое дело.

— И все без насилия?

— В основном да. Наша задача доказать благие намерения. Понимаешь? — Льюис с притворным пониманием кивал.

За окном лил дождь, закрывая виды горизонта. На кухне слабо мерцал свет керосиновой лампы. Льюис разглядывал свое отражение в чашке рябинового чая. Под ведьминым котлом умиротворенно потрескивал огонь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.